Сергей ЛУЦКИЙ
г. Жуковский
Московской области

В УСТЬ-САБУН И ОБРАТНО

рассказ

1

Тамаре снится, будто она утёнок. Маленький, жёлтый, с писклявым голосом. Где-то рядом мать, но Тамара её не видит, только знает, что она здесь. Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает во враждебную тёмную воду, не даёт дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие её силы?.. Вместе с ужасом мысль: где мама, почему не отбивает, почему не прогонит страшную утку?! Тамара захлёбывается, вода врывается в лёгкие, безысходность и смертная тоска.

Фу ты, блин!..

Женщина садится на постели, сердце стучит так, что того гляди проснётся Сашка. Дурацкий сон! Вчера она заходила в музей, принимала у деда Камина хантыйские луки и стрелы — может, потому. Обычно угрюмый дед разговорился, вертел в руках особую стрелу с набалдашником впереди. Когда такую пускали, она прыгала по воде и напоминала несущегося к матери утёнка. Утка бросалась навстречу и получала в грудь острие на набалдашнике. Дед Камин говорит, для уток это обычное дело — топить чужой выводок. Потому матери так бросаются. Разговоришься, когда от Тамары зависит, сколько дед получит за свои экспонаты.

Сквозь тюль на окне вовсю светит солнце, но Тамара смотрит на часы. В мае солнце не показатель, в два часа уже светло, практически начались белые ночи. Пять, рано. Тамара пробует заснуть ещё, но не получается: сон про утку, которая её топит, не даёт. Всё в нём так осязаемо, явственно, будто происходило на

самом деле: жёсткая хватка сильного клюва, упругость озёрной воды, ужас... Нет, не заснёт, надо подниматься.

В Тамаре килограммов девяносто, перебраться через Сашку она старается аккуратно. Но тот всё равно просыпается. Не открывая глаз, улыбается и пытается ухватить за бёдра.

— Отстань.

Сашка открывает глаза и удивлённо смотрит.

— Ты чего?..

— Настроения нет.

Сашка пожимает плечами. Хорошо выспавшийся, он выглядит сейчас особенно молодо. Сашка похож на киноартиста Михаила Кузнецова из старых фильмов — брюнет с голубыми глазами — был когда-то такой.

— Дело хозяйское. — И отворачивается к стенке. Обиделся.

Но Тамаре сейчас всё равно. Вчера было, хватит, не двадцать лет. И собираться надо. К тому же сон этот дурацкий, к чему — не поймёшь. Тамара в ночной рубашке принимается ходить по дому, отыскивает Сашкину сумку с надписью «Puma», прикидывает, что взять с собой.

Сейчас ездить в гости просто: подарки можно купить на месте — были бы деньги. Тамаре обижаться не приходится: зарплаты в администрации хорошие, недавно опять прибавили. Но лучше всё-таки своими руками, уважительнее. Когда выяснилось, что дочь наконец-то забеременела, она заказала по почте шерсть, связала комбинезончик. Потом узи показало: двойня — мальчик и девочка. Тамара связала ещё один. Хорошо бы из своей шерсти... Раньше в деревне держали овец, но собаки всех передавили. Тамара помнит, как на лето овец перевозили на остров, но лайки и туда добрались. Плавали как на охоту.

Женщина откидывает крышку в подпол, спускается по ступенькам. Тело под ночнушкой, будто в воду, окунается в стоялый холодный воздух — и сон про утку тут как тут. Тамара старается быстрее взять трёхлитровую банку белых грибов — и скорей назад. Банку она завернёт в детские комбинезоны, чтобы по дороге не разбить. Кстати будет, Наташка и зять вряд ли в прошлом году ходили за грибами. Всё мотались в Тюмень и обратно с этим искусственным оплодотворением. Хорошо хоть результат есть, четыре года ничего у них не получалось. У зятя какие-то ленивые сперматозоиды.

— Оленину возьми. Я там разделал на куски, в морозилке лежит. — Сашка тоже встал, умывается на кухне под рукомойником.

Он уже забыл про свою обиду, поглядывает на Тамару весёлыми васильковыми глазами. У Сашки ещё одна особенность. На следующий после выпивки день губы у него становятся пунцовые, будто подведены помадой. Вампир прямо.

— Прикинь, поехали на гусей, а вернулись с олешком!.. Интересно так получилось. Смотрим, прямо по курсу стадо переплывает, голов так двадцать...

Сашка никак не отойдёт от своей охотничьей удачи, принимается в очередной раз рассказывать, как с моторки он и ещё один мужик подстрелили дикого северного оленя. Он и вчера во время застолья в администрации только об этом говорил. По характеру Сашка легкий, общительный, многим нравится. Сам он не говорит, но Тамара догадывается: в их краях Сашка скрывается от алиментов.

— Загадку хочешь? — вдруг спрашивает он и заранее смеется. — Скажи, чем деревенская женщина отличается от городской? Прояви сообразительность!..

Тамара отмахивается:

— Делать мне нечего.

С Сашкой хорошо, но беспокойно. Разница в возрасте все-таки чувствуется. Сашка несколько секунд выжидательно смотрит, потом сообщает:

— У деревенских на заднице след от ведра!..

Можно было бы принять за намек: а что, зимой приходится — удобства на улице. Но Тамара знает, Сашка это от простоты, — и смеется тоже. Интересно, почему он к ней прибился? Потому что она в администрации работает?.. Работала.

Пока собралась, позавтракали — начало девятого. Сашка ушел к себе в пожарку, а Тамара

берет мобильник. Можно звонить Викторовне, та уже на работе.

— Начальник отделения почтовой связи... — заученным голосом начинает трубка.

Тамара смеется:

— Отставить!.. Как ты там? Голова бо-бо? Или похмелилась?

— Не говори! — голос у подруги становится разбитным. Чувствуется, на почте она одна, посетителей пока нет, рано. — Ты же знаешь, не умею я похмеляться, такое паскудство!.. А не помешало бы, ей-богу, не помешало!

— Значит, угодила?

— А то нет! И вино, и водка, и пиво... Давно никто так с работы не уходил, кое-кому ты нос утерла!

— Ну, пока только в отпуск.

— Так с последующим увольнением, не бойся, все соображают. Знают, что в няньки решила податься... Нет, Том, здорово было! Я не помню, кто еще так уходил, стол прямо ломился.

Тамара понимает, подруга хочет сказать ей приятное, но и на самом деле она не поскупилась. Все, что можно было купить в их деревенском магазине из выпивки и продуктов, купила. Был даже коньяк, специально в город заказывала. Тамара удовлетворенно улыбается, но сейчас важно другое. И она рассказывает про странный сон.

Викторовна какое-то время молчит, потом уточняет:

— Утка какого цвета была?

— Ну, дикая, какого они цвета — серая.

— А мать?

— Я ее не видела, только знаю, что рядом. Но чужую почему-то не прогоняет.

— Хорошо, я в сонник посмотрю, недавно выписала. — Однако к ее проблеме подруга относится легкомысленно. То ли мечтательно, то ли с горечью говорит: — Эх, Тома, накрылся теперь наш Кисловодск медным тазом! А как хорошо там, какой парк прекрасный!.. Не пожалеешь?

Тамара соображает не сразу: почему накрылся?.. А, ей больше не полагается санаторно-курортное лечение — всё, не бюджетница. В Кисловодске действительно хорошо, лучшее место на Кавминводах. С Викторовной они в прошлые годы побывали в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске — компенсация за скудное северное лето. Но в Кисловодске лучше всего. Викторовна еще и романы крутила.

— А чего мне жалеть? Подкоплю — съездим.

— Ага, с пенсии!.. — иронизирует подруга. — Я, например, боюсь с работы уходить. Так авторитет, зарплата, а на пенсии?.. Ты обратила внимание, как Лариска вчера смотрела на Сашку? Так и съела бы. Ты, Том, держи уши топориком, а то уведет. Она мимо чужого пройти не может.

Тамара смеется:

— Не уведет! Он брезгливый, а на Лариске пробы негде ставить. Полдеревни молочные братья.

— Не зарекайся, мужиков не угадаешь. На Сашку твоего многие поглядывают. Если б не подруга, я бы... Не боись, шутю!

Во время вчерашнего застолья в администрации Тамара не заметила, чтобы Лариска (раньше — секретарь, сейчас, по-новому, старший специалист) ухлестывала за Сашкой. Под конец забралась на стол и начала танцевать, задирая юбку, это да, но и только. Можно было бы сделать замечание, но раз Конкина, начальница, молчит, то чего Тамаре соваться. И смешно — с Ларискиной-то кирзовой физиономией на что-то рассчитывать. Однако Тамаре на время становится беспокойно. К Сашке она привыкла, уступать никому не хочет.

— Я за Сашку спокойна, — говорит она уверенным, даже безразличным голосом. И переводит разговор на то, ради чего, собственно, звонит: — Слушай, Маш, мне самой неудобно, да и не успею. Поговори с Полиной Николаевной насчет сна, пусть погадает. Она там как-то по свечке и блюдцу с водой. Говорят, всё точно. Ладно?

— Не вопрос! — щеголяет недавно появившимся в деревне словечком Викторовна. — А ты позванивай. Я знаю, что такое маленькие дети, с рук бы не спускала! Ты Серафимычу своему насчет билета звонила?

— Какой он мой...

Теперь позвонить бы Наташке и сказать, что сегодня прилетит, но Викторовна права, сначала надо решить вопрос с билетом, мало ли что. Следующий звонок — на аэроплощадку.

Бывший муж солидно произносит:

— Вас слушают.

— Мне в Усть-Сабун сегодня надо.

Тамара не называет себя. Анатолий должен узнать по голосу. Как-никак вместе прожили почти двадцать лет, трех дочерей родили.

— Ну и что?

— А ничего, место оставь.

— В порядке живой очереди. — И Анатолий кладет трубку.

У Тамары раздуваются ноздри. Ну, козел, всегда любил повыпендриваться! Потомок сибирских казаков, видишь ли!..

— К дочери твоей, между прочим, лечу, к внукам! — говорит она, нажав кнопку повторного вызова. — Не понимаешь, что ли?!

— Не надо скандалить, ты теперь на общих основаниях. Пришла, заняла очередь, купила билет, если останется. Бронь администрации на тебя не распространяется. — И бывший муж опять кладет трубку.

Тамара плотно, до белизны сжимает губы. Умеет унизить! Вот скотина!.. Удивительно, как быстро всем стало известно, что она увольняется.

2

Тамара — метиска, отец у нее ханты. Но об этом напоминают разве что скулы и слегка приподнятый к вискам разрез глаз. В остальном она в мать — белотелая, крупная, пропорционально сложенная. Та в пятидесятые приехала по вербовке в здешние края, работала сначала на рыбоучастке, потом устроилась ночной няней в интернат. Сама Тамара не помнит, но мать рассказывала, как в детстве отец смотрел на нее и качал головой: плохо, очень белая. Однажды на все деньги, полученные за соболиные шкурки, купил черного чая и велел Тамару купать каждый день в заварке, чтобы стала смуглой.

Отец вообще был занятный человек. В деревнях вдоль Реки до сих пор рассказывают историю о том, как один хант на своем обласе обогнал пароход «Антонин Зырянов». Это про Тамариного отца. Капитан «Зырянова» пожалел аборигена, окликнул через жестяный рупор, предложил подвезти. «Нет, мне, однахо, быстро ната», — якобы ответил хант. Капитан только засмеялся. И очень удивился, увидев ханта в деревне, куда «Антонин Зырянов» шел, — тот уже спал пьяный у мыр-лавки[1]. Оказывается, Натальин отец спрямлял себе путь, переносил легкий осиновый облас через перешейки, где Река делает большие петли. А петель у неспешной Реки с избытком. Отец и закончил жизнь по-особому. Не вышел из тайги весной, в конце сезона на соболя и белку. Что с ним случилось, так никто и не узнал.

В мать Тамара не только телом, но и характером. Спокойная, рассудительная. После восьмого класса пошла работать на звероферму и заочно поступила в техникум. Замуж вышла рано. Сначала с Анатолием жили так, потом расписались, когда родилась старшая дочь. Для их деревни это обычное дело. Многие парни вообще не женились, если до них у девушки никого не было. Дескать, если она никому не нужна, то мне зачем. В начале девяностых звероферму закрыли, и Тамара осталась без работы. Здесь и пригодилось то, что по паспорту она ханты. К тому же с техникумовским образованием.

Прежде малочисленная деревенская администрация в те годы стала стремительно разрастаться. Появилось с десяток различных должностей, в том числе специалиста по работе с коренным населением. Районный бюджет позволял — не все нефтяные деньги стали уходить наверх. Как затем оказалось, временно. А года два назад деревню включили в новообразованное сельское поселение. В администрации оставили трех человек, и она теперь называется отделом. Тамарину должность не сократили — в деревне добрая половина ханты.

С Сашкиной сумкой «Puma» Тамара идет к аэроплощадке. То, что на дворе май и начались белые ночи, ничего еще не значит. Ночью был

[1] мыр-лавка — магазин

ноль, и сейчас холодно, пришлось надеть куртку с капюшоном. Но это даже хорошо, не потечет оленина в сумке. Вообще-то, май — самый лучший месяц. Без морозов, и комаров с мошкой еще нет.

— Здравствуй, Тамара Ефремовна. Ты куда это собралась? — В голосе встречной Лыткиной преувеличенное удивление. Черные глазки сметливо бегают.

Тамара ставит тяжелую сумку на землю, растирает ладонь со следами врезавшихся ручек.

— В Усть-Сабун надо, внуков еще не видела.

— Выписали уже? — продолжает радостно удивляться Лыткина.

— Пора, месяц в боксе продержали. Двойня, роды тяжелые.

Лыткина смеется:

— Ты у нас теперь богатая бабушка! У старшей дочери дети, теперь у младшей... То ни одного, то сразу двое! Хорошо, сразу отмучается, может больше не рожать. Демографическую проблему в масштабах семьи решила!..

Говорить, что при искусственном оплодотворении двойня не редкость, Тамара не хочет. Вроде как тень на зятя. Она только молча улыбается и кивает головой.

— Как твои нижневартовцы поживают? — продолжает задавать вопросы Лыткина, не хочет Тамару отпускать. — Всё нормально? Оба работают? Сейчас с работой даже в городе проблема. А попробуй детей в детский сад устрой! Племянница звонила, сто сорок седьмые на очереди, три года ждать...

Лыткина любит поговорить, но на этот раз Тамаре кажется — неспроста. Она рассказывает, что перебравшаяся из деревни в Нижневартовск семья старшей дочери устроилась неплохо. А сама думает, не метит ли Лыткина на ее место. Лыткина она по мужу, а так ханты, окончила институт — кандидатура подходящая. Работает в школе, но, говорят, с первого сентября будут объединять начальные классы: первый — с третьим, второй — с четвертым. Две учительницы окажутся лишними. Может, Лыткина ищет запасной аэродром.

— Ладно, побегу, а то билета не достанется.

— Сегодня «боинг» или вертолет?

— Дак четверг, вроде «боинг».

— Тогда достанется! И тошнить не будет, ветра нет.

Тамара отвечает на «здрасьте» редких встречных, дышит пахнущим холодной хвоей воздухом, смотрит по сторонам. Привычно отмечает, дворы у ханты не такие, как у русских. В русских — теплицы, грядки, а хантыйские — пустые, с полегшей прошлогодней травой. Многие даже не огорожены. На одном из подворий, громко стукнув дверью, появляется заросший растрепанный парень, делает несколько неуверенных шагов. Увидев Тамару, круто, едва не свалившись, поворачивает назад, скрывается в доме. Тоже привычно. Аборигены ее побаиваются, пьяными стараются на глаза не показываться. Ведь в случае чего обращаться приходится к ней.

С хантыйскими подворьями ясно, люди привыкли жить лесом и рекой. Но раньше можно было ягоду, кедровый орех, другие дикоросы и рыбу сдать заготовителям. А сейчас тем невыгодно в их глухомань ездить. Пушнину тоже продать тяжело. И по безработице хантам уже не платят. Конечно, можно жить на стойбище, разводить оленей. Нефтяники до их мест пока не добрались, экологию не испортили. Но попробуй заставь молодежь. Она выросла в интернате, тянется к нормальной жизни, а в деревне работы нет, молодежь спивается, бичует. Так и получается, от одного ханты ушли, к другому не прибились.

Тамара даже не вздыхает. Привыкла.

В кармане куртки играет мобильник. На дисплее — Викторовна. Удобная все-таки штука мобильник, с ним всегда на связи. Еще недавно было странно видеть человека, который идет по улице и сам с собой разговаривает, — крыша, что ли, поехала? Сейчас нет.

— Чего, Маш?

— Слушай, что в соннике про уток пишут, — и подруга принимается монотонно читать: — Приснившиеся вам утки в чистых водах реки предвещают счастливые путешествия, морские поездки. Если белые утки бродят по крестьянскому двору, сон сулит процветание вашему дому и большой урожай...

— Самое оно. Насчет морских поездок и большого северного урожая.

— Подожди ты, слушай дальше! Охотиться на уток — предвестье резких перемен в осуществлении ваших планов. Если на охоте утки были подстрелены, сон предвещает вмешательство недоброжелательных людей в ваши дела... Я тебе говорила, опасайся Лариску! Ты всё на Сашкину совесть надеешься.

— Ладно, Маш, потом, — говорит Тамара и хочет отключить мобильник. И так на душе из-за сна хреново.

— Подожди, здесь хорошее есть! Ага, вот. Если видите уток летящими, судьба улыбнется вам. Возможен счастливый брак, рождение прекрасных детей или новый дом.

Это лучше. Но Тамара не просто утку видела, та топила ее. И настойчиво так, злобно. До сих пор Тамара чувствует болезненную хватку клюва на затылке.

— Больше ничего про уток нет?

— В этом соннике нет, я в других посмотрю.

— Ты с Полиной Николаевной поговори, пусть по свечке и блюдечку погадает.

— Да помню я, помню!..

Окраина деревни. За последними домами и кедровой гривкой угадывается пустое пространство взлетного поля. На бревенчатом здании хантыйского музея, где Тамара вчера принимала сделанные дедом Каминым экспонаты, замок. Не торопятся девчата на работу. И осуждать их тяжело — обеих увольняют по сокращению штатов. Раньше предполагалось на базе музея открыть мастерскую по изготовлению поделок из бересты и бисера — все-таки аборигенам работа. Специально прилетали телевизионщики из города, районная газета много писала. Но что-то там не сложилось. Похоже, опять проблемы с финансированием. Это в районе, который добывает каждую пятую тонну нефти в стране. Или как там, баррель.

— В Багдаде все спокойно! — рапортует через забор Рогожников и прикладывает ладонь к вязаной шапочке. Выражение лица у него придурковатое.

Это еще не старый мужчина с коротким крепким телом. Он выглядывает из теплицы с запотевшими стеклами, она у него капитальная, отапливается. А чего не отапливать, Рогожников лесник, дрова и транспорт для него не проблема. Первые огурцы и помидоры в деревне у него. Сначала Тамара думала, Рогожников заигрывает. Оказывается, нет, он со всеми работниками администрации так здоровается.

— Почему в Багдаде? — спрашивает Тамара то, что давно хотела спросить. — Мы в деревне живем.

Рогожников ухмыляется.

— Неужели фильм не смотрела?.. Посмотри, советую. Название забыл, там один старик всё время такие слова говорит. Власть его уважала. До восьмидесяти лет старик дожил, башку не отрубили!..

И Рогожников щурится, то ли ласково, то ли с издевкой. Странный человек, мутный какой-то. В деревне он не так давно, перевелся откуда-то с большой земли. Говорят, там у него были проблемы. У такой язвы будут. Ты власть не люби, но Тамара-то здесь при чем?

Уже видно, как по взлетной площадке разъезжает машина с цистерной и поливает утрамбованную землю. Это чтобы не было пыли, полагается по инструкции. От пыли летная техника быстрее выходит из строя, Тамара знает, не зря столько лет была женой заведующего аэроплощадкой. То, что поливалка на взлетном поле, показатель: рейс состоится, «боинг» уже вылетел из города.

Тамара торопится в избушку из соснового бруса — здание аэропорта, где находится касса. Если бы даже не знала, что Анатолий на месте, это можно было бы понять по «Тойоте», машина стоит рядом. До аэроплощадки Анатолию ходьбы три минуты, но он ездит, а как же!.. Наверно, уже выписывает билеты. Неужели не оставил?

Народа в комнате, она же зал ожидания, всего несколько человек. Это Тамару немного успокаивает. Настоящий бум начнется летом, когда бюджетники станут разъезжаться в отпуска. Вот когда Анатолий в деревне царь и бог. Все перед ним прогибаются, даже администрация. Но и теперь надо быть начеку. Человек

поступит подло, понимает это, но, вместо того чтобы исправиться, начинает гадить. Обычное дело.

— Выписывает? — Тамара показывает головой в сторону комнатки с открытыми дверями, где рация. Там же сидит Анатолий.

Ей кивают. Среди пассажиров Тамара замечает в прошлом продавщицу рыбкооповского магазина, а ныне пенсионерку и авторитетную гадалку Полину Николаевну. Удивляется (тоже улетает?..), но мимолетно, не до того. Заходит в кассу-диспетчерскую-кабинет, достает из куртки паспорт и молча кладет на стол. Так же молча садится — не стоять же перед бывшим мужем. Хорошо хоть мандавошки этой нет, его жены. Анатолий оформил ее кассиром, но занимается билетами в основном сам. Та больше сидит дома с детьми.

Бывший муж, увидев Тамару, делает постное лицо. Чего, казалось бы, проще, возьми ручку и выпиши билет, а он тянется к микрофону, чем-то щелкает в рации, вызывает борт. Говнится, показывает власть. Сейчас-то ничего, Тамара уже может спокойно его видеть, у нее Сашка, да и время прошло. А сначала было очень обидно. Прожили двадцать лет, трое дочерей — и пожалуйста, снюхался с молодой девкой, присланной в клуб методистом. Тамара достает портмоне, отчужденно спрашивает:

— Сколько теперь?

Но Анатолий продолжает ломать комедию, делает вид, будто не слышит. Экипаж на подлете, ответил, а он с умным видом всё не выпускает микрофон из рук.

— Сколько билет стоит, спрашиваю?

Анатолий наконец переводит на нее глаза, называет сумму.

— Ого! — вырывается у Тамары. Ей давно не приходилось летать, с прошлого ноября.

— А чего хочешь, керосин дорожает, — быстро отзывается Анатолий.

Тамара усмехается. Решил, ее удивление вроде как сигнал, приглашение к нормальному разговору. Нет уж, ей этого не надо. И о Наташке и внуках ничего не скажет, если он спросит.

Но Анатолий не спрашивает. Почувствовал, видимо, ее настроение. Может, и не собирался. Тамара забирает билет, паспорт, сдачу. Старается проделать это так, чтобы не было заметно досады. Не спросил, скотина!..

Самолета еще не слышно, и в первой комнате, служащей залом ожидания, Тамара заговаривает с Полиной Николаевной. Мелькает быстрая мысль, может, успеют еще пойти к ней домой, погадают?.. Но тут же от этой мысли отказывается. Поздно, «боинг» ждать не будет. Полина Николаевна летит в город жаловаться на цех ЖКХ. Она купила тепловой счетчик, десяток инстанций обегала, а здесь всё волынят, не хотят врезать. Еще бы, цеху невыгодно, по счетчику платить выходит меньше. Обнаглели.

Тамара смотрит на расстроенное лицо всё еще подводящей глаза и губы Полины Николаевны и думает, что у нее впереди такие же проблемы. Тепловой счетчик в доме не установлен, а пенсия — это не зарплата работника администрации. Еще Тамару томит и смутно удивляет сознание, что обычная с виду женщина может обладать такими способностями. Всю жизнь Полина Николаевна простояла за прилавком и не подозревала о них. Неужели и с ней возможно что-то похожее? Может, тоже есть необычные способности, просто Тамара об этом не догадывается? И как, наверное, интересно и страшно знать то, чего не знают другие.

3

«Боинг» — отдельная песня. Так в деревне прозвали двенадцатиместный «Ан-2». Он прилетает раз в неделю, и билеты на него дешевле, чем на вертолет. Компенсация за страх и неудобства.

Сидеть в «боинге», когда он на земле, приходится мало того что в тесноте, так еще перекособочившись, подавшись телом в сторону пилотской кабины — она над передними шасси, которые намного выше заднего, хвостового. В колени крупной Тамары упираются ноги сидящего на противоположной лавке мужчины. И не раздвинешь колени, чтобы не давил, не пустишь его ногу между своими — не так поймет. В салоне «боинга» полутемно. «Салон»

— слишком шикарное название для узкого низкого пространства. «Как в гробу», — думает Тамара и пугается сравнения. Не нравится ей и то, как ведут себя оба летчика, — слишком веселые. Господи, долететь бы!..

Особенно ненадежным самолет кажется в воздухе. Ничего не стоит рассыпаться хлипкой конструкции, под которой сотни и сотни метров пустоты. Тамара представляет эту жуткую пустоту, на дне которой голые рогульки деревьев, обширные болота, сверху похожие на куски замши, сосновые и кедровые гривы с сохранившимся кое-где снегом — и кожу на Тамариной голове сводят мурашки. Сколько ни сглатывай, не помогает, уши напрочь заложены. Двигатель гремит так, что не слышно собственного голоса. Когда веселые летчики закладывают вираж, Тамара, которая не знает, что такое морская болезнь, начинает шарить рукой в поисках пакета. Хорошо еще, нет ветра, не болтает. Иначе точно бы все обрыгались.

В Усть-Сабуне Тамара выбирается из «Ан-2», словно выпила. Слава тебе, господи! Сашкину сумку она едва не волочит по земле. Клянется, что никогда больше на «боинге» не полетит. С какой, спрашивается, стати сорвалась? Страху натерпелась! Подождали бы внуки вертолет через два дня.

Тамару встречает зять Василий. Прямо у самолета он перехватывает сумку и сочувственно интересуется:

— Все нормально, мамо?

Зять на Севере давно, но хохляцкие привычки и некоторые слова сохранил. В том числе «мамо», когда обращается. Василий чернявый, с усиками, Тамара долго не могла понять, кого он ей напоминает. Пока наконец не вспомнила — писаря на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Постриги еще под горшок — копия! Похож не столько усами, сколько понимающим, лукаво затаенным выражением лица. Зять в самом деле человек непростой. Когда другие в геолого-разведочной экспедиции месяцами сидели без зарплаты и гадали, что будет дальше, Василий уволился, взял в банке ссуду и открыл рыбокоптильный цех. Места-то здесь рыбные. И вроде ничего, дела идут неплохо. Даже детей с Наташкой родили, хотя сейчас на это не каждые молодые решаются.

Поселок Усть-Сабун, конечно, не Тамарина деревня, но и не город. Простоты здесь тоже хватает. Свою пропахшую рыбой «Газель» Василий подогнал почти к «боингу». Он ставит сумку в машину и распахивает перед Тамарой переднюю дверцу.

— Садитесь, мамо.

— Уф! — выдыхает Тамара. — Подожди немного, дай на земле постоять. — Но тут же поворачивает к зятю озабоченное лицо. — Как у Наташки с молоком? Хватает на двоих? Или прикармливаете? Все нормально?

Перед самым вылетом она звонила дочери, Наташкин голос ей не понравился. Вроде как что-то скрывает.

— Прикармливаем. Они хорошо детские смеси едят, в больнице привыкли.

— А с весом как?

— Почти набрали.

— Грудь берут?

— Наташа потом дает. Тоже едят.

Тамара смотрит, как «боинг», высадив в Усть-Сабуне часть пассажиров и взяв новых, разгоняется, чтобы лететь дальше. Его двойные крылья похожи на полки для посуды, одна длиннее, другая короче. Ни за что больше не полетит на нем!.. Полина Николаевна осталась внутри, ей — в город. Жаль, не получилось у них погадать.

— Ну что, поехали?

Василий кивает и садится за руль. Тамаре кажется, с прошлого раза веселого лукавства в его лице поубавилось. Озабоченное оно какое-то, словно зять о чем-то постоянно думает. Тамара успокаивает себя, с этим сном про утку ей теперь везде будут мерещиться неприятности. Выкинь из головы.

Едут минут пять, но Тамаре кажется, дольше. Наверное, потому что по пути встречаются машины, а на тротуарах видны люди. Тех и других не так много, но все равно не деревня. У них если машины кто и покупает, то в основном для выпендрежа, взять того же Анатолия. Ездить особо некуда, зимник работает, дай бог,

месяца три в году. Зима вроде длинная, но пока его проложат, ледовые переправы наморозят, то да се. Основная связь с большой землей по воздуху, «Антонин Зырянов» тоже давно не ходит. А из Усть-Сабуна до города дорога круглый год, бетонка. Цивилизация.

Неподалеку от Наташкиной двухэтажки Тамара замечает ряды голых березок, привязанных к косо воткнутым палкам. В лунке вокруг каждой торф. На фоне песка, который в Усть-Сабуне всюду, темный торф бросается в глаза.

— Что, парк у вас решили сделать?

— Вроде того.

— Еще бы, теперь вы центр сельского поселения! Все деньги у вас. Куда хотите, туда направляете!..

Говорится это с полушутливым укором, мол, средства до деревень доходить не будут. Но зять тон не поддерживает, не начинает со смешком, с улыбками защищать поселковое начальство. Скучно роняет:

— Все равно коровы сожрут.

— Ты радоваться должен, будет где с детьми гулять. А ты — коровы!..

Тамара поворачивает к зятю лицо. Обычно веселый, остроумный, он за словом в карман не лезет. Сейчас молчит. Или случилось что-нибудь и от нее скрывают, или зять просто не высыпается. Все-таки двое грудников.

— Поселение... — говорит, тормозя у подъезда деревянной двухэтажки, Василий. — Еще бы зоной назвали. Реформаторы...

И это опять странно.

Тамара не раз представляла, как возьмет на руки двойняшек, зароется лицом в пеленки, вдохнет сладкий детский запах. Верно говорят, к внукам отношение особое. Когда свои дети растут, сама еще молодая, много других интересов, да и работа, хозяйство. Срывалась на дочерей, иногда не по делу. Двойняшек Тамара еще не видела, но уже любит. Любила даже тогда, когда они ещё не родились. Это правда, для внуков надо созреть.

— Ну, где они, показывай! — заявляет она в прихожей, едва сняв куртку.

Наташка делает большие глаза, прикладывает палец к губам.

— Тс-с-с... Спят.

Она молодец, не опустилась, как бывает с кормящими мамочками. В аккуратном халате, причесанная. Не поцеловала, а приложила, как в американских фильмах, свою щеку к Тамариной, чмокнула воздух. Молодежь, у них так теперь принято.

— Ну хоть взглянуть, — тоже переходит на шепот Тамара.

Наташка манит ее за собой, осторожно открывает дверь в комнату, оглядывается и еще раз прижимает палец к губам.

— Тимка такой чуткий, от малейшего звука...

Дети спят в одной кроватке, но места в ней все равно еще много. Личики уже разгладились и не красные, нормальные, оба тихо посапывают. Шторы в комнате задернуты, полумрак и тишина.

— Господи, — шепчет Тамара, на глазах у нее слезы. — Господи...

Нежность и жалость рвут сердце. Только родились, а уже в боксе с кислородом лежали, капельницы ставили в эти маленькие ручки, иголками истыкали, бедные мои... Но она справляется с собой.

— Тимка? — едва слышно спрашивает, показав на завозившегося и недовольно сморщившего круглое лицо ребенка.

— Нет, Анжела... — Наташка на цыпочках тянет ее к двери. — Насмотришься еще, пошли...

Все-таки она молодец. Двое грудников, а сумела к материному приезду накрыть стол. Через несколько минут они втроем уже на кухне, зять наливает Тамаре полную рюмку.

— А себе?.. Наташка — ладно, кормит, а ты чего скромничаешь? Наливай!

Молодые переглядываются, дочь вступается за мужа:

— У него еще дела, не надо его заставлять... Ну, мам, с приездом.

Тамара молча смотрит на Наташку, потом на зятя, выпивает. Нет, что-то не так. Василий раньше никогда не отказывался поддержать компанию. Ситуацию сглаживает подарок. Дочь на минуту отлучается из кухни, возвра-

щается с небольшим глянцевым пакетом на золотистом шнурке.

— Мы не смогли вовремя подарить, ты не обижайся... С юбилеем, мамуля! Чтобы ты еще пятьдесят лет прожила нам на радость.

На этот раз Наташка целует по-настоящему. Целует, крутя ус и шутливо подмигивая, зять. Раскрасневшаяся Тамара смеется. Все-таки хорошие они у нее. Старшая дочь только позвонила, средняя вообще не поздравила, та в Ханты-Мансийске живет, а эти... Не подарок дорог, внимание. Однако на мгновение Тамара становится девчонкой, ей хочется узнать, что в красивом пакете. Но лезть в него сразу она считает неприличным.

— Нет, ты посмотри, посмотри! — настаивает дочь. — Вдруг не понравится.

Тамара, неловко посмеиваясь, уступает. В пакете продолговатый конверт. Уже догадываясь, что это деньги, Тамара достает его, открывает. Какая-то несерьезная, похожая на фантик разноцветная бумажка, внизу надпись: «50 euro». О существовании евро Тамара знает, но ни разу не видела, только слышала, что они дорогие.

— Мы подумали и решили, — говорит дочь, — ты сама себе купишь что надо. А то купим, а тебе вещь ни к чему. Правильно? Только деньги зря переводить. Или отложишь, мало ли, пригодится.

Наташка — младшая, но самая толковая из дочерей. Окончила институт, удачно вышла замуж, до декрета работала экономистом у нефтяников. Если считает, что это хороший подарок, значит, так и есть.

— Обратите внимание, мамо, — поддерживает зять, — у вас пятерка с нулем и здесь пятерка с нулем. Наше пожелание, чтобы вам дожить до пятерки с двумя нулями!

Тамара машет на него рукой.

— Не надо, не надо! Я уже не та сейчас, а дальше так вообще!..

— Не прибедняйтесь, мы вас еще замуж выдадим.

По-настоящему посидеть не удается. Во время еды Василий поглядывает на часы. Вскоре говорит, что ему пора. Едва он уходит, подают голос двойняшки. Оставив Наташку убирать со стола, Тамара спешит в комнату.

Вот когда она отводит душу. Ласково приговаривая, разворачивает пеленки, меняет памперсы, осторожно, нежно гладит под распашонками маленькие худенькие тельца, берет внука и внучку на руки, принимается расхаживать с ними по квартире. Врет Василий, не набрали они еще своего веса. Руки всё прекрасно помнят, уверенно держат двойняшек, будто и не прошло столько лет, как нянчила дочерей.

— Как у тебя хорошо получается. — Наташка стоит в дверях, с улыбкой наблюдает за ней. — Я первое время боялась. Такие маленькие...

— Ничего, мамка, вырастим. Правда, Тимофейка, правда, Анжелка?.. Кормить когда будешь?

— Я поставила подогреть.

— Смеси? Может, сначала грудь дашь? Материнское молоко полезнее.

Дочь отводит глаза.

— Что молчишь?

— Молоко пропало, — после паузы отвечает она.

— Почему? Давно?

— Уже неделя.

Дочь уходит на кухню и не появляется. Тамара с детьми на сгибах обеих рук идет следом.

— Почему пропало?

— Ты сядь, — говорит Наташа и трясет бутылочки, взбалтывает подогретые смеси. Наконец решается. — Думаешь, куда Вася поехал?

— Куда — работа, наверно. А что?

— Если бы работа... В город, к прокурору. Цех у него хотят отобрать. Рейдеры. Слышала про таких?

4

С Линой Кулызиной Тамара училась в техникуме. Вообще-то, она Сталúна, Линой стала позже. В их техникумовской группе Кулызина была старостой. Это словно про нее сказано: комсомолка, спортсменка и просто красавица.

Ну, красавица не красавица, а то, что была в группе зоотехников самой активной, точно.

Организовать для заочников культпоход, выступить на собрании, купить подарки преподавателям — это Сталина. Одно время Тамара была у нее в подчинении. Кулызина тогда заведовала коопзверопромхозом, в состав которого входила и звероферма в Тамариной деревне. Во время перестройки Кулызина прошла в депутаты, потом работала где-то в городе, и вот недавно ее избрали главой сельского поселения. Так что опять она Тамарина начальница. К ней Тамара и пошла на следующий день.

Лина Степановна встретила приветливо. Заметила ее в приемной и сразу пригласила в кабинет:

— Заходи-заходи. Работников администрации я принимаю без очереди. Тем более из отдаленной деревни. — Это говорится для остальных, дожидающихся в приемной. — Валя, чаю нам.

Как меняешься сама, почти не замечаешь, а в других перемены бросаются в глаза сразу. После того как Тамара видела Кулызину в последний раз, та погрузнела, щечки оплыли, кожа на шее дряблая, как ни прикрывай крупными бусами. Ну так бывшая однокурсница и старше... А вообще-то, видно, что следит за собой. Волосы осветлены, макияж, прическа.

— Слушай, мне сказали, ты увольняешься, — говорит Лина Степановна и на мгновение приостанавливается, это уже в кабинете, удивленно смотрит на Тамару. — Правда, что ли?

— Пока в отпуск...

— Не глупи. Сейчас в госструктуры даже из бизнеса рвутся. Теперь не девяностые, всё поменялось. Лучше зонтика, чем госслужба, нет. Ты подумай, ты хорошенько подумай!..

Тамара из уважения соглашается:

— Подумаю.

Отпивая из чашек, женщины принимаются вспоминать знакомых по техникуму и коопзверопромхозу, кто где чем занимается, сколько детей и внуков. Некоторых уже нет в живых, другие вышли на раннюю северную пенсию или уехали на большую землю. Лина Степановна знает о многих, не то что Тамара в своей деревне. В общем, ностальгируют.

— Ты ко мне по делу?

— Даже не знаю, как сказать...

Вот оно. Тамара подбирается, отводит глаза, передвигает чашку на невысоком приставном столике, за которым они расположились.

— Говори как есть. — Лина Степановна улыбается и тут же убирает улыбку с лица, будто ее и не было.

Это умение всегда озадачивало Тамару. На совещаниях в коопзверопромхозе Кулызина могла кому-нибудь улыбаться, потом улыбку мгновенно будто выключала, смотрела серьезно, холодно. Словно отодвигала человека, говорила, что ее улыбка ничего еще не значит. Тамара одно время пыталась копировать начальницу, но у нее получалось неважно.

— У зятя неприятности. Он предпринимательством занимается, рыбокоптильный цех, слышала, наверное... — И Тамара рассказывает то, что узнала от Наташки и Василия.

В феврале в цехе появились двое незнакомых мужчин, по виду — неместные. Василий подумал, что хотят заключить договор или на поставку рыбы, или на приобретение продукции — обычное дело. Повели себя мужчины странно, сначала попросили показать цех, однако это Василия не насторожило. Когда вернулись в кабинет, предложили продать бизнес. Василий засмеялся, продавать цех ему даже в голову не приходило, столько труда вложено, да и прибыль нормальная. Покупатели не хамили, не угрожали, посоветовали не торопиться, подумать, они позвонят.

После их визита в цех зачастили с проверками. Районная санэпидстанция, пожарные, налоговики, технадзор... Раньше Василий со всеми жил дружно, сейчас выяснилось, что в цехе множество недостатков. В конце концов санэпидстанция заставила остановить производство. Деньги на счетах закончились, банк перестал давать кредиты, магазины нашли других поставщиков. В это время Василию и позвонили. Опять предложили продать цех, но сумму на этот раз предлагали смешную. А на днях еще хлеще. Приехали крепкие ребята, вытолкали охранника, заняли кабинет Василия, опечатали сейф и отключили компьютер. Когда прибыла соснинская милиция, старший

показал решение суда об удовлетворении материального иска поставщика рыбы. Все как полагается, с печатью, с подписями. Василий клянется, никто из поставщиков в суд на него не подавал.

— Да, мне уже говорили. — Лина Степановна кивает. — Спор хозяйствующих субъектов.

— Какой спор, Сталúна?! Отобрать цех хотят, не мытьем, так катаньем. Там одного оборудования на четыре миллиона, зять до сих пор с банком не расплатился!..

Кулызина несколько секунд молчит.

— Ему нужно найти хорошего адвоката.

— Так он уже несколько раз ездил в город к прокурору!..

— И что?

— Говорят, ждите.

Лина Степановна громко, искренне удивляется:

— Чего вам беспокоиться, скажи на милость? Прокуратура — солидный орган, разберутся! Понимаю, была бы еще нефтяная фирма, там бизнес отбирают серьезные люди. А здесь шелупонь какая-нибудь, не те силы!..

Тамара решается:

— Ты не могла бы помочь?

— Как ты себе это представляешь? — Лина Степановна выключает улыбку, ее лицо становится чужим.

— Ну, ты глава администрации, у тебя власть, милиция. И так повлиять можешь, позвони в город...

Тамара знает, как решаются вопросы в их деревне, уверена, здесь круче. У администрации сельского поселения больше возможностей.

— Ты еще советские времена вспомни! Это тогда звонками все решалось. Теперь не так, теперь демократия... — И снисходительно, как неразумному ребенку, Лина Степановна принимается объяснять, что существуют три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная не имеет права вмешиваться в деятельность ни законодательной, ни судебной. Не прежние времена, у каждой власти своя зона ответственности. Спор хозяйствующих субъектов, закон разберется.

Тамара понимает, Сталúна помочь не хочет или не может. Но выработанный годами инстинкт подчиненного человека заставляет опустить голову и кивать, как бы даже каясь. Действительно, как сама не сообразила. Ей неудобно, что побеспокоила занятого человека, злоупотребила старым знакомством.

— Извини, — говорит она, поднимаясь. — Не буду отрывать тебя от дела. Вон сколько людей в приемной.

— Ну что ты. — Кулызина поднимается тоже, провожает до дверей кабинета. — Я слышала, твоя дочь двойню родила? Передавай мои поздравления.

— Передам.

«Спасибо» Тамара не говорит.

Идти домой не хочется. Там ждет Наташка, а что ей сказать?.. За благоустройство в Усть-Сабуне и в самом деле взялись серьезно. В будущем парке с голыми березками женщины в комбинезонах с надписью на спинах «Жилищно-коммунальное хозяйство» насыпают торфяные клумбы, красят невысокий, городского вида забор из литого металла. На одной из сторон центральной улицы автокран вместо деревянного тротуара укладывает бетонные плиты. Стропальщики в оранжевых куртках машут рукавицами «майна», «вира» и налегают на тросы, стыкуя плиты. В устье боковой улицы остановилась и смотрит на все это пегая корова с такой же пегой нетелью. На мордах растерянное удивление.

— Вот и хожу за ними, жду, пока опорожнятся! — со смехом говорит пожилая женщина, почти старуха, но очень живая. В руках у нее ведро и совок. — А что делать, огород удобрять надо. Здесь голимый песок, сын торфа привез, а его одного на такую землю мало!..

Эту женщину Тамара видела. Когда вчера вечером прогуливала внуков в широкой двухместной коляске вокруг дома, та возилась на участке под окнами первого этажа. Женщина, видно, ее тоже запомнила.

— Что, коров в поселке много?

— Есть. Вот смотри, почти целое набрала. — Соседка показывает ведро со свежим навозом. — Говорят, стайки скоро сносить будут.

Дескать, вид портят. А если семья к молоку привыкла, да к настоящему, а не из магазина? И зарплаты у всех разные. Здесь-то еще рай, а у нас...

Соседка рассказывает, что сын перевез ее с большой земли. Цены там почти такие же, а пенсии намного меньше. Здесь к праздникам неработающим пенсионерам когда пятьсот рублей, когда тысячу подкинут, а в их краях и не мечтай. Одним словом, забота. Тамара внимательно смотрит на соседку. «Заелись мы, — думает она. — Всё нам не так. А вон как другие живут, в их бы шкуру!..» И волна благодарности к тому, что родилась на Севере, что здесь добывают нефть, что жизнь лучше, подступает к сердцу. И уже не таким обидным кажется нежелание Сталúны помочь. Единственное, что смутно озадачивает, это то, что на улицах никто с ней не здоровается. Ну да, не деревня, здесь от нее ничто не зависит.

В квартире ор на два голоса. Наташка мечется между детьми, лицо у нее несчастное.

— Мам, не знаю, что с ними. Сухие, накормленные, а... Ты руки после улицы помой.

Она права, но слышать замечание неприятно. Тамара молча идет в ванную, не спеша берет мыло. В деревне руки особенно не моют, а дети вырастают здоровые и молоко у матерей не пропадает. Однако надолго Тамары не хватает. Вытерев ладони, спешит в комнату, берет заходящегося багрового Тимку, принимается расхаживать с ним по квартире, укачивает. Держит внука так, чтобы тот животиком был прижат к ее телу. Показывает глазами дочери, делай то же с Анжелой.

— У них животы в этом возрасте болят. К тому же на смесях растут, не на материнском молоке.

Наташкины глаза наливаются слезами:

— Я что, виновата?..

Тамара не торопится ее успокаивать. Пусть знает, как делать матери замечания. Наконец дети засыпают. В таком возрасте они почти все время спят. По Наташкиному лицу видно, ей не терпится спросить, чем закончился поход в администрацию. Тамара коротко пересказывает разговор с Кулызиной. Дочь опускает голову, какое-то время сидит молча.

— Ты не говори, что ходила просить. Вася не любит.

Может, Наташка и права, что так за мужа переживает. Дети вырастут, разъедутся, а хороший муж на всё время. Да и на что жить, если Василий не будет приносить денег. Тамара смягчается:

— Пойди поспи пока.

— Я борщ варить поставила.

— Я доварю.

Дочь уходит в комнату к двойняшкам, а Тамара снимает с кастрюли крышку, выуживает из борща ломтик картошки. Дует в ложку, пробует. Еще сырая, пусть покипит. Она набирает номер Сашкиного мобильника, слушает гудки. Наконец Сашка отзывается.

— Ты чего не звонишь? Вчера молчал, сегодня молчишь. Спишь, пожарник?

— Скажешь тоже. Проверка у меня. Документация там, материальная часть...

— Чего это вдруг? — Тамара озадаченно поднимает брови. Проверки пожарного депо вроде не намечалось, она бы знала.

— А хрен поймет. Из города комиссия.

— И как?

— Вроде нормально.

— Ладно, — говорит Тамара. Еще одна забота, ломай теперь голову. — Про парник не забыл? Огурцы поливаешь?

— Сегодня полью, ничего с ними не случится.

— Саш, ты это брось! Они сейчас нежные, погибнуть могут. Навоз внизу горит, температура...

— Я не могу разговаривать, потом перезвоню.

Тамара отводит от уха мобильник. Сашка глуповат, не понимает, с внеплановыми проверками просто так не приезжают. Ей стоило труда уговорить заведующую отделением назначить его начальником пожарного депо. Конкина у них ни рыба ни мясо, если на нее начнут давить, отстаивать не будет. Пожарное депо только название, всего одна машина, но должность хорошая, бюджетная зарплата, соцпакет, желающие всегда найдутся. А у Сашки

нет специального образования. Ну, окончил пожарную учебку в армии. Теперь этого мало, дети начальства позаканчивали институты, их нужно трудоустраивать...

Тамара набирает номер Конкиной. Разговор начинает вроде как с шутки:

— Ань, ты на мое место никого не взяла? А то смотри, я, может, еще передумаю.

— Внуки уже надоели? — бесцветным голосом отзывается заведующая отделением. Тамара никогда не видела Конкину вышедшей из себя. Что бы ни случилось — авария на котельной в самые морозы, убьют кого-нибудь, ханты по пьянке дом спалят, — Конкина всегда спокойна.

— Ну что ты, как эти солнышки могут надоесть!.. — Тамара на время обо всем забывает, делится своим счастьем. Но здесь же и мысль: Конкина должна понимать ее положение, сама скоро станет бабушкой, сын недавно женился. И вообще проникнуться к ней и расположиться. Как бы между прочим интересуется, что за проверка у Сашки.

— Не знаю, — отвечает Конкина. — Прилетели, попросили показать пожарку. Я отвела...

Тамара представляет лицо начальницы. На нем постоянно написано: не трогайте меня. Вот именно, не мешайте получать мою большую зарплату!.. Удивительный человек. Умудряется ни с кем не конфликтовать, но и не берет ничего на себя. Удобна для начальства, потому и поставили заведовать отделением — никто не пишет на нее, не жалуется, не надо разбираться. Раньше Конкина директорствовала в школе, говорят, такой же была. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Ничего больше не выяснив, Тамара с досадой отключает мобильник.

В начале их совместной жизни Сашка както заявил: «А чего мне здесь ловить? В случае чего ноги в руки и — до свиданья. Классные отделочники везде нужны». Похоже, не шутил. В деревне он появился прошлым летом вместе с бригадой строителей. Тамару назначили курировать их работу — дом строился для хантыйской семьи, на бюджетные средства. Там она Сашку и увидела в первый раз. Молодой улыбчивый мужик с яркими голубыми глазами, он однажды спросил: «А в гости к вам, Тамара Ефремовна, прийти можно?» Тамара попробовала отшутиться: «Нашел к кому в гости ходить. Вон сколько молодых вокруг!» — «Э, они не такие». — «Чем же это я лучше?» — «Вы серьезная женщина. Положение у вас». — «Смотри какой!.. Да у меня зятья такие, как ты». — «Ну и что?»

Казалось бы, пошутили и забыли. Но Сашка в самом деле явился вечером с бутылкой. Его прямодушие развеселило Тамару. Не то чтобы она поставила на себе крест как на женщине, но не с таким же молодым!.. Однако в тот же вечер все и произошло. Через несколько дней Сашка перебрался к ней из интерната, где бригаду разместили до начала учебного года. А потом Тамара его устроила пожарным, недавно — начальником депо. Прост-то Сашка прост, но понимает, наверно, как от нее зависит. Должен понимать.

«Блин! Да я же увольняюсь!» — вдруг вспоминает Тамара. И эта мысль бьет по голове будто поленом.

5

Она едва дожидается, когда встанет Наташка. Но сразу о своем желании не говорит. Терпеливо смотрит, как дочь уходит в ванную, слушает звук воды из крана. На кухне Наташка появляется посвежевшая, волосы на висках слиплись от воды.

— Вася обедать придет?

— Не знаю, мам. Может, опять в город поехал.

— Тогда садись, поедим.

Пообедав, Тамара говорит:

— Ты вроде пасьянсами увлекалась. Не забыла еще?

— Да нет. А что?

Тамара рассказывает ей про сон с уткой. Еще об одной вещи, на которую хочет получить ответ, она не говорит. Дочь становится оживленной, в глазах появляется интерес:

— Я знаю лучше, чем пасьянс. Есть такая китайская Книга перемен, по ней тоже гадают.

— Китайская?.. — Тамара в сомнении поднимает плечи.

— Не бойся, это не китайские шмотки. Там шестьдесят четыре варианта, в каком-то из них ответ. Кстати, в молекуле ДНК тоже шестьдесят четыре составляющие.

— Ладно, давай.

Наташка приносит книжку, три монеты, листок бумаги, ручку. Тамара с усмешкой наблюдает за приготовлениями.

— Значит, так. Бери копейки, тряси в ладонях и бросай на стол. Если орлов выпадет больше, чертим одну сплошную линию. Если больше решек, чертим пунктир... Ты не смейся. Сосредоточь мысли на своем вопросе.

Попытка не пытка. Только с чего начинать — с утки или как повернутся дела у Сашки?.. Усмехаясь, Тамара трясет в ладонях монеты, рассыпает их на столе. Наташка внимательно смотрит на то, что выпало, делает пометки на листке бумаги.

— Так, ищем, — наконец говорит она и принимается листать книжку. Находит выпавший вариант и поворачивает книжку к Тамаре. — Читай.

«До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она выпрямится и займет прежнее положение. Обстоятельства ваши в данный момент можно назвать лишь умеренно благоприятными. Если поведение ваше будет отличаться умеренностью и сдержанностью, впоследствии вы станете хозяином положения...» И еще несколько обтекаемых, не очень понятных фраз. Китайцы.

— Еще раз можно?

— Подожди, сейчас я, — отвечает Наташка и принимается трясти монеты. Выпавший вариант она читает молча.

— Ну что?

— А, так себе! — Дочь легкомысленно машет рукой, и Тамара понимает, что выпало неприятное. Наташка успокаивает себя: — Вообще-то, любое гадание — это так, развлечение!.. Еще раз тебе?

На этот раз Тамаре сообщается, что она ощущает дисгармонию. Назревает конфликт. Ей надо вести себя скромно и сдержанно и, если бросят перчатку, не поднимать ее. Пусть все идет своим порядком, тогда наступят мир и покой, и Тамара лишний раз убедится в том, что жизненные проблемы не только удручают, но и учат... В общем, поджать хвост и не рыпаться. Но главное, Тамара не знает, какой ответ к чему относится. Когда она бросала на стол монеты, оба вопроса смешались в голове.

Через полчаса они кормят проснувшихся двойняшек. Дочь будет стирать детское белье, а Тимку и Анжелу пеленают, укладывают в коляску и спускают со второго этажа во двор. Гулять с ними будет Тамара. На свежем воздухе дети сразу засыпают.

— Мам, — говорит Наташка, стягивая ворот халата под горлом, — ты обратила внимание, Анжела на хантыйку похожа. Лицо круглое, и смуглая.

— А чего удивляешься? Дед у тебя хант, гены должны сказаться... Ладно, иди, простудишься. Мастита еще не хватало.

Соседка, которая утром собирала навоз, опять возится под окнами. Узкая полоса черной от торфа земли тянется метров на десять. Заметив Тамару, старуха выпрямляется.

— Убей бог, не могу без дела! — смеется она. — Картошку дешевле купить, а я сажать надумала — всё занятие! Может, сына уговорю тепличку поставить...

И старуха рассказывает о том, что раньше у нее была забота, внуки. Сейчас выросли, в ней не нуждаются, а руки чешутся, делать чего-то хочется. Сын у нее хороший, невестка тоже, говорят, отдыхай, а она не может, всю жизнь работала. Пока здоровье есть, будет понемногу топтаться.

Тамара кивает, однако в ответ ничего не говорит, боится разбудить двойняшек. В самом деле, старуха сначала жила своей жизнью, потом жизнью сына, его детей, а сейчас вроде как и не для кого. Работа — желание занять себя, чтобы не чувствовать пустоты, своей бесполезности. Неужели и ее, Тамары, тяга к Тимке и Анжелке оттого, что своя жизнь закончилась? Дочери и внуки вытеснили, они теперь замена ее жизни — той, что настоящая, заняли место?..

От такой мысли Тамара перестает качать широкую двухместную коляску и останавлива-

ется. Нет, она не согласна! Она еще сама жить хочет!

— Ты гордая какая-то, — недовольно бросает старуха. — Слова от тебя не дождешься!..

Тамаре не до нее. Не отвечая, толкает коляску по деревянному настилу вдоль дома, уходит. Колеса то и дело съезжают с узкой деревянной дорожки на песок, проваливаются, грузнут, но женщина не замечает этого.

От открывшейся правды все в ней оцепенело.

Не хочу, не согласна, сама еще жить хочу!..

Василий появляется поздно, уже после ужина. Наташка уводит его на кухню кормить, и они там вполголоса о чем-то разговаривают. Судя по всему, веселого мало. Тамара во второй комнате, где ей определили ночевать, смотрит телевизор, спать пока рано. Какое-то время спустя молодые подсаживаются к ней на диван, тоже начинают смотреть фильм. Оба молчат.

Фильм американский, у парня убили родителей и его же подставили. Ему приходится прятаться от полиции, одновременно собирая на убийц улики. К делу подключается ФБР, парня обложили со всех сторон, кажется, ему только и остается, что пойти сдаться. Но он не идет, с разных телефонов звонит помощнику окружного прокурора, рискует, убегает, в него стреляют. В конце концов все заканчивается хорошо. Помощник прокурора получает улики на убийц, один из них срывается с крыши небоскреба, второй гибнет под машиной, суд присяжных парня оправдывает.

— Кино... — от долгого молчания или еще от чего-то сипло говорит Василий. — Одно не могу понять, откуда у американцев такой оптимизм? Что ни фильм, правда обязательно побеждает. Или в Штатах на самом деле так? Добиваются, доказывают свое? Государство так устроено, у них можно?..

— Ладно, Вась. — Наташка берет мужа за руку. — Проживем без цеха.

Но тот уже не может остановиться:

— Я никому ничего плохого не сделал! Хочу только своим трудом зарабатывать! Головой, руками! А на меня смотрят как... Хоть на стенку лезь, все схвачено. Пустой дом какой-то, кричи не кричи — никто не отзовется! Я для них хуже бомжа. Путаюсь под ногами, жить мешаю...

— Ва-а-сь, — тянет Наташка и прижимает руку мужа к себе. — Ну, вернешься в экспедицию, будешь там работать. Я на детей получаю, с голоду не помрем...

Зять выдергивает руку.

— Не в этом дело! Я человек или скотина, чтобы со мной так?.. Налоги платил, что полагалось, делал! Почему такое отношение? Все понимают, а делают вид... — Он вдруг поворачивает отчаянно веселое лицо к Наташке. — Может, взять ружье и разобраться? Как в американских фильмах?..

Тут уже вмешивается Тамара:

— Брось фигню нести! Детей без отца оставить хочешь?.. Себе жизнь поломаешь и семье!

Василий замолкает. Хохол, старших слушается. Наташка тихо всхлипывает сбоку.

— Вот что, — говорит Тамара, — сегодня дети пусть у меня спят. Перевезем кроватку в эту комнату. И давайте ложиться, поздно.

Пусть Наташка с мужем останутся вдвоем. Выспятся, и вообще, стресс снимут. В семейной жизни это бывает нужно. А то за нервотрепкой, наверно, забыли, как это делается. Выпить бы еще им.

6

Опять ей снится сон про утку.

Глухая старица, густая осока у берегов, ряска на открытых местах. Тамара и ее желтые пушистые братья и сестры пытаются нырять, радостно трясут хвостиками, крутят по сторонам головенками. Всё вокруг такое яркое и интересное. На этот раз Тамара видит мать-утку. Она большая, сильная, родная. Крякает, напоминает об осторожности, говорит, что жизнь полна врагов. Тамара не думает об этом, ее тянет к осоке, там мальки, она уже знает их сытный вкус. Из осоки неожиданно появляется чужая утка и бросается к Тамаре. За ней еще одна и еще, страшные, с раскрытыми клювами. В этих чужих утках столько беспощадной

злобы, что Тамара в ужасе машет скелетиками будущих крыльев, пытается бежать по воде, прочь, прочь, скорее к маме!.. Страшные утки догоняют ее, принимаются топить, но мать уже несется навстречу, стучит чужих уток клювом по головам, бьет крыльями. Тамара прячется за большое тело, которого нет надежней и роднее. Всё, никуда от нее, рядом, дальше от страшных уток, от предательской осоки, от мальков. По крайней мере, пока помнит...

Спокойные ребята, думает Тамара о внуках. За всю ночь двойняшки ни разу не проснулись. Она приподнимается на локте, заглядывает в кроватку. Дрыхнут. Но приготовить есть надо, уже семь. Тамара встает, осторожно ступая, выходит в коридор. В комнате молодых тихо, куртка Василия на вешалке. Пусть побудут вдвоем.

Почти тот же сон, а впечатление совсем другое. Тамара сама удивляется своему спокойствию. Потому что закончилось хорошо? «Это мне предупреждение», — думает женщина. Что-то должно защищать и оберегать, вон какая теперь жизнь. Собственно, жизнь никогда доброй не была, только каждый раз недобрая по-своему. Решение появляется само собой. Поторопилась! Но еще не поздно, по-настоящему она не уволилась. Тамара включает на кухне радиоточку, приглушает звук. Музыка словно по заказу, энергичная, подталкивающая.

Надо лететь.

— Что-то у меня на душе неспокойно, — говорит она, когда Тимка и Анжела подмыты, перепеленаты и накормлены. Тамара берет их по очереди на руки, держит столбиком, чтобы срыгнули лишнее. — Оставила хозяйство на квартиранта, а как там он справляется, не знаю. Навоз в парнике горит, огурцы требуют регулярного полива. Да и пахать огород скоро пора, картошку сажать...

В семье Сашка известен как квартирант, хотя о настоящей его роли все догадываются. Наташка и Василий смотрят друг на друга. Ведь договаривались, что Тамара уволится с работы и приедет надолго.

— Ладно, давайте вместе позавтракаем, — говорит Тамара, чтобы перевести разговор на постороннее. — А то всё порознь да порознь. Наташ, накрывай на стол.

Сама уносит детей в комнату, укачивает. Молодые ее решению, понятно, не рады, но ведь отпуск большой, она еще прилетит. А вот насчет того, чтобы уйти на пенсию... Можно подыскать Наташке кого-то в помощь. Да хоть ту же соседку с первого этажа, бабка еще энергичная, мается без дела. Тамара заплатит.

Викторовна звонит в самый неподходящий момент, внуки только-только закатили глаза. Тамара быстро выходит в коридор, негромко отвечает:

— Да, Маш?

— Хреново дело, подруга! Утром Лариска выходила из твоего дома.

Тамара несколько секунд молчит.

— Откуда знаешь?

— Люди видели! Вчера Сашка фестивалил в пожарке с комиссией, Лариску тоже пригласили. Вроде как для компании. А утром...

— Подожди, — останавливает Тамара. — Комиссия где ночевала?

— К тебе домой Сашка повел, куда еще?!

— А с чего ты решила, что Лариска с Сашкой была? Может, кто из комиссии пригрел.

— Удивляюсь твоему спокойствию, Тома! У нее мужика уводят, а она!..

— Что-то ты слишком заботишься обо мне, — сухо отвечает Тамара. Может, не шутила тогда Викторовна, на самом деле имеет на Сашку виды. Насчет женской дружбы Тамара давно не заблуждается. — Надо будет, я сама с ними разберусь. Брось сплетни распускать.

Викторовна оскорблена:

— Я? Сплетни?! Будешь еще локти кусать, да поздно будет! — и отключается.

Завтракают молча. Еще одна причина, чтобы не уходить с работы. Викторовна, скорее всего, паникует, но, может, Сашка в самом деле хочет прилепиться к Лариске, чтобы была поддержка и защита? Однако не он все же главное, пятьдесят лет, не так уж ей мужик и нужен. Кто Тамара без своей должности? Пенсионерка. Пустое место. Ничто.

— В аэропорт подбросишь? — спрашивает она у зятя.

Тот, не поднимая головы, кивает.

— Прямо сегодня, мам?.. — Наташка смотрит тоскливыми глазами.

— Я — ненадолго. Кое-какие вопросы решу — и обратно. Через пару дней буду.

К рейсу Тамара успевает. И с билетами проблем нет — летит вертолет, билеты дорогие. Зато и условия хорошие, с «боингом» не сравнишь: просторный салон, мягкие, как в автобусе, сиденья на два человека, чистые круглые, будто иллюминаторы, окошки.

— Садись ко мне, — хлопает по сиденью рядом возвращающаяся из города Полина Николаевна. Заметив Тамару, она оживляется.

Тамара тоже рада видеть знакомого деревенского человека. Подсаживается к бывшей продавщице рыбкоопа, принимается расспрашивать, как дела, чего удалось добиться. За разговором женщины не замечают, как вертолет поднимается и ложится на курс. Вверху грохочет двигатель, но слова разобрать можно. В районной администрации Полине Николаевне сказали, что ЖКХ теперь им не подчиняется, пусть обращается в суд. А это опять лететь в город. Не налетаешься, если ты пенсионер, и гостиница дорогая. К тому же неизвестно еще, как суд решит.

— Испугаются жэкахашники судиться! — говорит Тамара, приблизив лицо к уху Полины Николаевны. — Подумайте сами, зачем им проблемы, зачем скандал?.. Испугаются, точно говорю!

Бывшая продавщица, а ныне гадалка, в сомнении пожимает плечами.

— Испугаются, испугаются! — напористо повторяет Тамара, свято веря в то, что говорит. — Суды у нас демократичные, справедливые! Там всё по закону, честно!

Своего заявления на отпуск с последующим увольнением она еще не переписала, но уже чувствует себя уверенно, твердо. Если захотеть, добиться можно всего. Было бы лишь желание.

И даже то, что под вертолетом сотни метров леденящей душу пустоты, Тамару теперь не пугает.

Сергей Артемович ЛУЦКИЙ

родился в 1945 г.

Окончил индустриальный техникум

и Литературный институт им. А.М. Горького.

Прозаик.

Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Урал», «Врата Сибири», «Роман-газета», «Сибирские огни» и др.

Трижды лауреат премии губернатора ХМАО-Югры по литературе,

Всероссийской премии имени Д. Мамина-Сибиряка и др.

Автор более десятка книг,

в их числе «Десять суток, не считая дороги», «Яблоко в желтой листве», «Параллельные миры», «Варианты Надежды Вилоровны».

Член Союза писателей России.